

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 105–113.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 105–113.

Научная статья
УДК 111.7:008.2
DOI: 10.37482/2687-1505-V408

Расширение социокультурного континуума: экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии

Елена Юрьевна Воробьева

Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия,
e-mail: velena-05@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3588-9404>

Аннотация. Футурологические исследования в настоящее время учитывают принципы равенства и толерантности, ставшие основой постмодернистского интеллектуального пространства, и направлены на критическое осмысление статуса человека, его места в мире и облика, который он приобретет в прогнозируемом будущем. Включение в социокультурный континуум агентов природного мира и сферы искусственного разума подталкивает к пересмотру ценностей, составляющих аксиологическое ядро цивилизации. Ревизия гуманистического идеала и антропоцентрического мировоззрения, в свою очередь, заставляет переосмысливать нормы права, политики и человеческого бытия вообще. Проекты будущего предлагают выстраивание систем, обеспечивающих равенство ценностных установок для всех разумных существ, всех живых существ и некоторых неживых существ, имеющих значимость. Идеальный образ человека, таким образом, дополняется не-человеческими характеристиками, что приводит к мысли об антигуманистической его направленности. Равенство расширенного круга субъектов аксиологии скрывает ловушки возникновения новых неравенств, и в том, какое место займет в созданной иерархии ценностей человек, заключается экзистенциальный вызов будущего. Применение характерного для микронарративов исследовательского инструментария к проблемам общечеловеческого масштаба показало слабую эффективность. Микронарративы не учитывают прогнозируемых рисков, следующих за наделением субъектностью не-человеческих агентов аксиологии. Исследования, проводимые на уровне культур и цивилизаций, тяготеют к классическому подходу: установлению причинно-следственных связей, погружению в кросс-культурный контекст, максимальному обобщению индивидуальных позиций при ответах на существенные вопросы. Пластичность аксиологического пространства предполагает возможность оперативного формирования сценариев будущего, основанных на включении в человеческое бытие вызовов завтрашнего дня.

Ключевые слова: *социокультурный континуум, аксиология, экзистенциальные вызовы, субъектность, искусственный интеллект, моральный круг, постгуманизм, постантропоцентризм*

Для цитирования: Воробьева, Е. Ю. Расширение социокультурного континуума: экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии / Е. Ю. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 105-113. – DOI 10.37482/2687-1505-V408.

Original article

Expansion of the Sociocultural Continuum: Existential Challenges of the Future in the Context of Axiology

Elena Yu. Vorob'eva

Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia,
e-mail: velena-05@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3588-9404>

Abstract. Futures studies currently take into account the principles of equality and tolerance, which have formed the basis for the postmodern intellectual space, and are aimed to critically examine the status of humans, their place in the world and the outward appearance they will have in the predicted future. The inclusion of actors of the natural world and the sphere of artificial intelligence in the sociocultural continuum pushes us to revise the values that make up the axiological core of civilization. The revision of the humanistic ideal and the anthropocentric worldview, in its turn, prompts us to rethink the norms of law, politics and human existence in general. Projects of the future propose building systems that ensure equality of value attitudes for all intelligent beings, all living beings and some non-living beings that have significance. The ideal image of a human is thus supplemented with non-human characteristics, which leads to the conclusion about its anti-humanistic orientation. Equality of the extended circle of agents of axiology holds the pitfalls of creating new inequalities, and the place that humans will occupy in the new hierarchy of values is the existential challenge of the future. Research tools characteristic of micronarratives proved rather ineffective when applied to the problems on a universal human scale. Micronarratives do not take into account the predicted risks following the endowment of non-human actors of axiology with agency. Research conducted at the level of cultures and civilizations gravitates towards the classical approach: establishment of cause-and-effect relationships, immersion in a cross-cultural context, and maximum generalization of individual positions when answering essential questions. The plasticity of the axiological space makes it possible to promptly create scenarios of the future that include the challenges of tomorrow in human existence.

Keywords: *sociocultural continuum, axiology, existential challenges, agency, artificial intelligence, moral circle, posthumanism, post-anthropocentrism*

For citation: Vorob'eva E.Yu. Expansion of the Sociocultural Continuum: Existential Challenges of the Future in the Context of Axiology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 105–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V408

Введение. Социокультурный континуум представляет собой непрерывность социального пространства и исторического линейного времени, в которой субъект выступает в качестве субстанциальной основы и осуществляет свою деятельность. Постсовременная реальность разворачивается в природно-культурном измерении, а эпоха антропоцена подразумевает включение в социокультурный континуум и

мира живой природы, и сферы искусственного разума. Возникает вопрос о наделении субъектностью агентов расширенного континуума, что заставляет переосмысливать нормы права, политики и социального бытия вообще.

Формулируя определение экзистенциальных вызовов, Л.В. Баева отмечает, что они связаны с трансформацией социальных систем и систем ценностей и направлены на культурную

идентичность и самореализацию человека [1]. Ответы на эти вызовы вводят нас в пространство аксиологии культуры, призванной, по убеждению Г.П. Выжлецова, противостоять «вырождению человеческого начала в человеке, которое начинается в постмодернистской реальности с аксиологического релятивизма» [2]. Западные исследователи уверены в необходимости пересмотра содержания феноменов аксиологии. Утописты считают, что система ценностей искусственного интеллекта будет отдавать приоритетное значение легитимированию форм человеческого удовольствия [3]. Антиутописты предупреждают, что искусственный интеллект в процессе субъективации станет преследовать собственные цели, не связанные с благополучием людей [4]. Новая социальная реальность должна учитывать техногенные вызовы, убеждены российские ученые В.А. Иноземцев, Ю.В. Иноземцева, Н.Д. Лепская [5]. Таким образом, дискуссия о прогнозируемом будущем ценностей техногенного мира касается вопроса «Будут ли люди по-прежнему главными моральными субъектами и бенефициарами искусственно разумного социального порядка?» [6].

В поисках ответа на этот вопрос Р. Бейкер, Й.К.Г. Хопстер, К. Арора, К. Бланден и др. фокусируются на изучении механизма «моральных» [7] и «техноморальных» [8] революций, выявляя зависимость ценностных установок от технологического развития. Ю.В. Назарова и А.Ю. Каширин на основании анализа концепции экзистенциальных рисков Н. Бострома [4] приходят к выводу о необходимости поиска аксиологической альтернативы трансгуманизму, поскольку именно последний воспринимает искусственный интеллект как особую форму жизни [9]. Например, С. Чопра и Л.Ф. Уайт предлагают регламентировать взаимоотношения с искусственным интеллектом в рамках социума и культуры, чтобы избежать обвинений в «шовинистическом сохранении особого статуса биологических существ, подобных нам» [10, с. 190].

Признавая опасность техногенных угроз, сторонники необходимости расширения соци-

окультурного «морального круга» высказывают предложения о включении в него исключительно живых существ (Дж.Р. Антис и Э. Паес [11]). Представители постгуманизма констатируют кризис модернистского проекта «человек» и рассматривают в качестве субъекта расширенного социокультурного континуума эры антропогена проект «постчеловек». Постантропоцентризм, в свою очередь, открыто провозглашает биоцентричный эгалитаризм, разрушающий иерархию видов (Р. Брайдотти и М. Хлавайова [12]). Российская философская мысль демонстрирует скептическое отношение к таким инициативам, отмечая, что в рамках современной объектно-ориентированной онтологии западной философии «запланированный» постчеловек не может состояться как субъект (А.С. Гагарин и С.А. Новопашин [13]).

В данном исследовании мы придерживаемся убеждения об определяющей роли аксиологии: для того чтобы поступать «как должно», нужно понимать «что такое хорошо и что такое плохо», а это требует установления базовых ценностных форм человеческого бытия, без сохранения которых бытие перестает быть человеческим.

Таким образом, в настоящее время социально одобряемыми становятся действия, направленные на утверждение равенства людей, агентов искусственного интеллекта, представителей живой природы и экосистем. Сторонники расширения социокультурного континуума предлагают раздвинуть его границы и выстроить новую аксиологическую реальность, обеспечивающую равенство всех разумных существ, всех живых существ и некоторых неживых существ, имеющих значимость. Но, на наш взгляд, ожидаемое равенство субъектов скрывает ловушки новых неравенств, и в том, какое место в новой системе займет человек, заключается экзистенциальный вызов будущего.

Ценность будущего и будущие ценности.

В подходе к анализу современной культурной ситуации, подразумевающей устремленность в будущее, будущее становится самоцелью, а действия, вещи и явления приобретают значимость в

контексте их причастности к таковому. Данный подход, на наш взгляд, базируется на линейном измерении темпоральной основы социокультурного континуума, подразумевающей исчезновение прошлого, истинное бытие настоящего и озабоченность грядущим. Аксиологический аспект темпорального измерения обнаруживает зыбкость ценностных установок прошлого, концептуализация которых на протяжении истории не раз подвергалась ревизии, и изменчивость ценностного набора настоящего. Будущее же включает широкое пространство возможных аксиологических траекторий, по которым мы могли бы двигаться, и деятельное составление сценарных планов этого движения в настоящем.

Комплектация и содержание ценностей зависят от формируемых обществом мировоззренческих позиций. Одни базируются на признании приоритета интересов микроуровневой общественной бытия в виде субкультур, социальных институтов и групп, характеризующихся множественностью ценностных установок, противоречия между которыми снимаются признанием права на выражение любого мнения. Другие допускают возможность иерархизации феноменов аксиологии на макроуровне, относящемся к цивилизации.

Первая позиция, отражающая специфику управления атомизированным социумом, состоящим из отдельных групп и индивидов, выходит на передний план в глобалистских проектах. Например, «открытое общество» Запада, как и прогнозировал К. Поппер, постепенно становится «абстрактным обществом», утрачивает органичность и причастность к объединяющей системе ценностей и смыслов. Каждый может опираться на то, что именно ему кажется разумным, нравственным, практичным и т. д. Общие формы произвольно заполняются индивидуальным содержанием, поэтому фактором, удерживающим «открытое общество» от распада, становится форсирование идеи абсолютного равенства всех индивидуальных ценностей, жизненных предпочтений и индивидуальной же ответственности за их реализацию. Соответственно, моральные

поощрения и запреты формируются произвольно, под диктовку сиюминутной необходимости. Базовый культурный набор ценностей в данной ситуации ежечасно проходит ревизию, дробится на единичные события, индивидуальные трактовки и интерпретации, связанные с конъюнктурой и выгодой сегодняшнего дня. Новый день приносит необходимость новой сборки, ибо каждый день в линейном времени уникален и неповторим. Следствием утраты органичности становится и включение в социальное пространство не-человеческих субъектов аксиологии, которые получают санкцию на отстаивание своих интересов, поскольку биологическое родство и видовая сплоченность также теряют свою значимость.

Вторую позицию представляет концепция аксиологического футуризма Дж. Данахера [6]. Пространство аксиологических возможностей, по убеждению ирландского исследователя, формируется под влиянием разума, в котором выделяется три идеальных типа: индивидуальный, коллективный и искусственный.

Каждому типу соответствует своя идеальная система ценностей, направленная на его защиту и максимальную реализацию:

- 1) индивидуальный – защита свободы и автономии человеческих достижений и самого человека как носителя ответственности за свою судьбу;
- 2) коллективный – защита групповой сплоченности и коллективного благополучия;
- 3) искусственный – продвижение способов решения проблем человека без участия человеческого интеллекта.

История развития человеческих обществ говорит о постоянном поиске компромисса между ценностями индивидуального и коллективного типов. Их традиционное противопоставление Дж. Данахер дополняет третьим, который, по нашему мнению, порождает новый интеллектуальный регистр дихотомии «искусственное – естественное». «Человеческое», в свою очередь, расплылось в пространстве, ограниченном заданными идеальными формами, и обогащается не-человеческими свойствами.

Из вышеописанного следует, что выход на обобщения более высокого, чем микронарративы, уровня возвращает мысль к традиционным операциям с цивилизационными ценностями. На протяжении столетий люди разрабатывали предохранители, реагирующие на определенные идеи и поступки, не только потому, что их манили высоты абстрактного «добра», но и потому, что эти предохранители помогали сосуществовать разным государствам, сословиям и индивидам в едином измерении. Каждая развитая культура на протяжении столетий формировала и сберегала аксиологическое ядро, сопряженное не с будущим, а с вечностью.

В классической философской парадигме ценностные установки занимали вершину культурных иерархий и транслировались нижним ее ступеням императивно, посредством откровения. Современная новая этика для новых миров направлена снизу вверх, т. е. базируется на спонтанности и ситуативности повседневного существования, в результате чего и происходит смешение содержания понятий «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», «допустимо» и «недопустимо», «истинно» и «ложно». Если ранее для маргинальных социальных групп неодобряемые остальными участниками общественной жизни нравственные, интеллектуальные или социальные позиции несли положительные коннотации, то вместе с изменением их места в социальной иерархии общепринятое понимание базовых ценностей также подвергалось трансформации. При условии развития тенденции к установлению абсолютно равенства такие запреты, как «не убий», «не укради», «не мсти», могут стать опциональными и синонимичными. Вряд ли базовые ценности человечества останутся актуальными в том случае, когда круг субъектов аксиологии объединит весь природно-культурный континуум.

Проблема человека в постчеловеческом измерении. Максимальное расширение границ социокультурного континуума заставляет переосмысливать образ человека и его место в нем. Западные исследователи разрабатывают теорию моральных революций, предполагающих радикальную смену аксиологических и деон-

тологических парадигм. Не всегда это касается ниспровержения основополагающих ценностных установок, но всегда революции «влекут значительные изменения в том, что люди и общество принимают за моральную истину» [14, с. 2]. Если посмотреть ретроспективно на историю таких революций, то мы увидим, что они тесно связаны с расширением морального круга, подразумевающим «наделение субъектностью» тех, кто ранее ее был лишен.

М. Фуко в «Археологии знания» прогнозировал, что, похоронив Бога посредством просветительской критики и обмирщения сознания, мы вряд ли способны будем создать человека как суверенного субъекта предметного мира, который просуществует дольше. Эта тенденция нашла отражение в постгуманизме – направлении, углубляющем деконструкцию проекта «человек как продукт дискурса». При определении границ человеческого отбрасываются любые иерархически выстроенные отношения как внутри видового пространства, так и в межвидовом взаимодействии. Сторонники ликвидации «бинарного мышления» Р. Брайдотти и М. Хлавайова вводят в научный дискурс два понятия, относящихся к «остаточному гуманизму»: «не-человеческое» и «бесчеловечное». Границы между ними, замечают исследователи, проницаемы и подвижны, и очеловечивание существ, относящихся к объектам изучения естественных наук, как и расчеловечивание определенных групп *Homo sapiens*, предопределено наличием структурной несправедливости: «Те, кто исключен из доминирующего понятия человека, исходя из маскулинистских, классовых, расистских и евроцентристских параметров, считают свою жизнь стоящей ниже в сравнении с человеческой *bios*, ближе к животному существованию, то есть к *zoe*. Это понимание структурных исключений бросает вызов универсалистским претензиям гуманистической традиции» [12, с. 10].

Собственно, вопросы, поднятые приверженцами постгуманизма и постантропоцентризма, задаются не в первый раз. «Собака»-Диоген уже давал на них ответы, вводя в практику бытие

вне гражданства, сословия и общественной морали, а киники постсовременности лишь продолжают «искать человека», стирая расовые, гендерные, классовые и биологические различия, обнаруживая свидетельства «структурной несправедливости» даже там, где они не усматривались. Поскольку человек частично состоит из не-человеческого (как с точки зрения принадлежности к животному миру, так и в связи с формированием пространства искусственного псевдоразума), появляются предложения о наделении субъектностью тех существ, которые не рассматривались в качестве таковых.

Гуманистическое закрепление особого положения человека в ряду представителей живой природы противопоставляется не-человеческому. В противовес этому постантропоцентризм и постгуманизм рассматривают человека в симбиотическом слиянии с не-человеческим. Тенденция оспаривания центрального положения человека в дебатах о сохранности природы является лучшей аргументацией для наделения субъектностью не-человеческих существ, коими в настоящее время выступают как представители животного мира, так и агенты искусственного интеллекта.

Дж.Р. Антис и Э. Паес для снижения воздействия техногенных рисков предлагают включить в систему ценностных отношений «разумных» животных. Говоря о разумности, ученые ссылаются на Кембриджскую декларацию о сознании 2012 года. Исследователи положительно оценивают тот факт, что в западном мире поедание мяса, например, собак уже сопряжено с моральным отвращением, но с сожалением констатируют отсутствие эмпатии по отношению к тем, кто изначально предназначен в пищу: «В случае с рыбами, очень не похожими на нас существами, практически не обсуждается их благополучие и не предпринимаются попытки учесть их интересы» [11]. Опасность такого избирательного отношения к братьям нашим меньшим видится в том, что наделение некоторых из них отрицательными качествами выражается в форсировании враждебности к представителям различных этнических и рели-

гиозных групп посредством их сравнения с такими животными. Дегуманизация животных способствует дегуманизации рас и национальностей: существующая иерархия «добрых» и «злых» зверушек, которая выстраивается с детства в результате погружения в культуру, приводит к возникновению расовых предрасположений. Дж.Р. Антис и Э. Паес находят прямую связь между признанием злодеяний цивилизации и расширением круга носителей нравственных ценностей: моральная забота о рабах привела к отмене рабства, поэтому дальнейший прогресс в данном направлении должен привести к поддержке моральной заботы о животных и дальнейшим шагам по удовлетворению их интересов. В настоящее время, констатируют исследователи, люди пренебрегают проблемами домашней птицы и скота, а ведь учет их благополучия не противоречит позициям современных этических учений (деонтологии, консеквенциализма) и прекрасно встраивается в реализацию общих понятий аксиологии: справедливости, счастья и свободы. Даже если не отходить от устанавливаемой постгуманистической иерархии, новые субъекты прекрасно впишутся в формулу: «Хотя все разумные существа имеют значение, некоторые имеют большее значение, чем другие» [11].

Признание базовых принципов человеческого бытия гибридными и реляционными предопределяет расширение аксиологических установок и на искусственное информационное пространство, в котором поколения человеческих и не-человеческих пользователей, по меткому замечанию Р. Брайдогги, получают статус «цифровых аборигенов» [12, с. 13]. Если включение в состав разумных существ происходит на основе динамической оценки их свойств и социально-экологических отношений, то вопрос о том, какие агенты искусственного интеллекта могут считаться имеющими признаки субъектности, остается актуальным.

Успех развития искусственного интеллекта, как утверждают С. Чопра и Л.Ф. Уайт, заключается в репликации человеческих способностей,

таких как эмоции, ощущения, самооценка, сознание. Искусственный интеллект понимается учеными как особая личность, а не просто проектируемые «разумные» системы [10]. Расширение богатства возможностей в отношениях с человеком, разнообразия моделей поведения будет иметь веские основания для наделения агентов искусственного интеллекта правами и обязанностями, прежде всего по экономическим соображениям. И если мы не пересмотрим былую уверенность в уникальности человека и необычности человеческого разума, то, по мнению исследователей, можем быть обвинены в том, что принадлежим к аутическому виду, не способному постичь мысли других существ. Но нельзя и просто отмахнуться от опасений, что само существование искусственного интеллекта способно генерировать экзистенциальные риски: посредством искусственных агентов можно обеспечивать изготовление нужных и полезных товаров и услуг, но можно их использовать и для шантажа, мести и садизма. Эти опасения возникают потому, что идеализированный тип искусственного разума видится независимым от интеллекта человека, следовательно, связанный с этой позицией тип аксиологии воспринимает людей в лучшем случае бенефициарами успеха познавательных достижений машин, получивших субъектность.

Таким образом, наделение агентов искусственного интеллекта субъектностью не уменьшает, а напротив, генерирует напряженность в отношениях между различными социальными группами, институтами и даже государствами цивилизации *Homo sapiens*.

Заключение. Возрастающая мобильность социумов, гиперизменчивость постмодерна как наделили людей новыми возможностями, так и обеспечили новыми проблемами, которые могут привести к катастрофе. В настоящее время предпринимаются попытки расширения социокультурного континуума, заключающиеся в уравнивании интересов всех внутривидовых человеческих субкультур, социальных институтов, групп и межвидовых отношений. Линейная темпоральная составляющая про-

дуцирует постоянную генерацию новых аксиологических установок, противостоящих прошлым и устремленных в будущее. Но присущая любой организации иерархизация отношений нуждается в наличии как стоящих на ее вершине, так и составляющих основание субъектов. В пространстве аксиологии также невозможно обойтись без опоры на неподвластные времени ценности человеческого бытия.

Футуристические прогнозы, основанные на анализе экзистенциальных вызовов, угрожающих будущему человечества, связаны в настоящем времени с пошатнувшимся статусом человека и переносом чисто человеческих свойств на новых, не-человеческих субъектов. В результате характеристики, указывающие на высшую природу души, уникальность разума, ответственность за слова и деяния, присваиваются всем или никому. «Права не-человеческих существ» говорят не о расширении правового пространства, а об ограничении в нем роли человека. Безответственное расширение границ ценностного измерения уравнивает представителей живой природы, агентов искусственного интеллекта и человека, а наделение субъектностью и, с неизбежной логикой процесса, правосубъектностью первых приводит к снижению роли и статуса последнего. В данной парадигме убийство цыпленка для приготовления супа может квалифицироваться как совершенное с отягчающими обстоятельствами, тогда как убийство ребенка может иметь менее суровые последствия для нарушителя новой морали. Ответственность же за финансовые потери в игре на бирже можно будет возложить на «проявившего халатность» чат-бота, а не на самого игрока.

Когда деконструкции подвергается система традиционных бинарных оппозиций, базовые этические константы наполняются случайными смыслами и мы имеем дело с убеждением в том, что истина – это ложь, мир – это война, порядок – это хаос, объект – это субъект. При таком подходе новый идеал человека собирается из не-человеческих черт, что приводит нас к выводу об антигуманистической его направленности.

Признавая пластичность аксиологического пространства линейного темпорального измерения, считаем необходимым указать на существование социокультурных проектов, существующих в циклическом временном алгоритме, признающих опорой укорененные в вечности феномены. Кросс-культурные изыскания, связанные с онтологией человеческого бытия, могут способствовать определению

роли и места человека в новом мире и закреплению его сущностных свойств, что поможет формированию более адекватных реальности аксиологических проектов будущего; выстроить иерархию ценностей, очертить круг субъектов воздействия и разработать меры по сохранению традиционных и продвижению новых феноменов устанавливающегося миропорядка.

Список литературы

1. Баева Л.В. Экзистенциальные риски и угрозы: понятие, классификация, оценка // Каспий и глобальные вызовы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Астрахань, 2022. С. 604–609.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубежах веков // Междунар. журн. исслед. культуры. 2016. № 2(23). С. 16–26.
3. Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World Without Work. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2019. 288 p.
4. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority // Glob. Policy. 2013. Vol. 4, № 1. P. 15–30. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
5. Иноземцев В.А., Иноземцева Ю.В., Лепская Н.Д. Вызовы современной техногенной цивилизации в контексте формирования новой социальной реальности // Гуманит. вестн. МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2022. № 4(96). С. 1–17. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-792>
6. Danaher J. Axiological Futurism: The Systematic Study of the Future of Values // Futures. 2021. Vol. 132. Art. № 102780. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102780>
7. Baker R. The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution. Cambridge: MIT Press, 2019. 335 p.
8. Hopster J.K.G., Arora C., Blunden C., Eriksen C., Frank L.E., Hermann J.S., Klenk M.B.O.T., O'Neill E.R.H., Steinert S. Pistols, Pills, Pork and Ploughs: The Structure of Technomoral Revolutions // Inquiry. 2022. Vol. 68, № 2. P. 264–296. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2090434>
9. Назарова Ю.В., Каширин А.Ю. Экзистенциальные риски искусственного интеллекта в контексте аксиологии трансгуманизма (по материалам работ Н. Бострома) // О-во: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 40–45. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.5>
10. Chopra S., White L.F. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. Ann Arbor: Univ. Michigan Press, 2011. 252 p.
11. Anthis J.R., Paez E. Moral Circle expansion: A Promising Strategy to Impact the Far Future // Futures. 2021. Vol. 130. Art. № 102756. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102756>
12. Брайдонти Р., Хлавайова М. Постчеловек: глоссарий / пер. под ред. М.С. Фетисова. М.: Музей соврем. искусства «Гараж», 2023. 1242 с.
13. Гагарин А.С., Новопашин С.А. Концепция постчеловека: проблема субъектности и экзистенциальные основания бытия человека // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2022. № 2(35). С. 9–14. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-9-14>
14. Danaher J., Hopster J. The Normative Significance of Future Moral Revolutions // Futures. 2022. Vol. 144. Art. № 103046. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.103046>

References

1. Baeva L.V. Ekzistentsial'nye riski i ugrozy: ponyatie, klassifikatsiya, otsenka [Existential Risks and Threats: Concept, Classification, Assessment]. *Kaspiy i global'nye vyzovy* [The Caspian Sea Region and Global Challenges]. Astrakhan, 2022, pp. 604–609.

2. Vyzhletsov G.P. Aksiologiya kul'tury na rubezhakh vekov [Axiology of Culture at the Turn of the Centuries]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovatel'skoy kul'tury*, 2016, no. 2, pp. 15–26.
3. Danaher J. *Automation and Utopia: Human Flourishing in a World Without Work*. Cambridge, 2019. 288 p.
4. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority. *Glob. Policy*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 15–30. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
5. Inozemtsev V.A., Inozemtseva Yu.V., Lepskaya N.D. Vyzovy sovremennoy tekhnogennoy tsivilizatsii v kontekste formirovaniya novoy sotsial'noy real'nosti [Challenges of Modern Technogenic Civilization in the Context of the Formation of a New Social Reality]. *Gumanitarnyy vestnik. MGTU im. N.E. Baumana*, 2022, no. 4, pp. 1–17. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-792>
6. Danaher J. Axiological Futurism: The Systematic Study of the Future of Values. *Futures*, 2021, vol. 132. Art. no. 102780. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102780>
7. Baker R. *The Structure of Moral Revolutions: Studies of Changes in the Morality of Abortion, Death, and the Bioethics Revolution*. Cambridge, 2019. 335 p.
8. Hopster J.K.G., Arora C., Blunden C., Eriksen C., Frank L.E., Hermann J.S., Klenk M.B.O.T., O'Neill E.R.H., Steinert S. Pistols, Pills, Pork and Ploughs: The Structure of Technomoral Revolutions. *Inquiry*, 2022, vol. 68, no. 2, pp. 264–296. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2022.2090434>
9. Nazarova Yu.V., Kashirin A.Yu. Existential Risks of Artificial Intelligence in the Context of the Axiology of Transhumanism (Based on the Works of N. Bostrom). *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2023, no. 11, pp. 40–45 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.11.5>
10. Chopra S., White L.F. *A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents*. Ann Arbor, 2011. 252 p.
11. Anthis J.R., Paez E. Moral Circle Expansion: A Promising Strategy to Impact the Far Future. *Futures*, 2021, vol. 130. Art. no. 102756. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102756>
12. Braidotti R., Hlavajova M. *Posthuman Glossary*. London, 2018. 576 p. (Russ. ed.: Braydotti R., Khlavayova M. *Postchelovek: glossariy*. Moscow, 2023. 1242 p.).
13. Gagarin A.S., Novopashin S.A. Kontseptsiya postcheloveka: problema sub'ektnosti i ekzistentsial'nye osnovaniya bytiya cheloveka [The Posthuman Concept: The Problem of Subjectivity and Existential Foundations of Human Being]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 9–14. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-9-14>
14. Danaher J., Hopster J. The Normative Significance of Future Moral Revolutions. *Futures*, 2022, vol. 144. Art. no. 103046. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.103046>

Информация об авторе

Е.Ю. Воробьева – кандидат философских наук, доцент факультета очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий (адрес: 644116, г. Омск, ул. 24-я Северная, д. 196, корп. 1).

Information about the author

Elena Yu. Vorob'eva, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Faculty of On-Campus Education, Siberian Institute of Business and Information Technologies (address: ul. 24-ya Severnaya 196, korp. 1, Omsk, 644116, Russia).

Поступила в редакцию 09.08.2024
 Одобрена после рецензирования 28.11.2024
 Принята к публикации 29.11.2024

Submitted 9 August 2024
 Approved after reviewing 28 November 2024
 Accepted for publication 29 November 2024